

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ШАБЛОНА В КЕРАМИЧЕСКОМ ПРОИЗВОДСТВЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ БРОНЗОВОГО ВЕКА УРАЛА И СЕВЕРА СИБИРИ)

Объектом исследования является немногочисленная группа керамики, обнаруженная на поселениях бронзового века севера Западной Сибири. Она изготовлена по необычной для этих мест технологии – лепке на жесткой основе или шаблоне. В статье рассмотрены особенности изготовления подобной посуды, прослеженные в ходе экспериментов, а также определены памятники и культуры, на которых отмечены аналогичные приемы формовки. Облик вещевого материала и абсолютные даты, полученные для поселений с керамикой польмятского типа (в позднем ее варианте) р. Конды, ташковской культуры Притоболья и комплексов синташтинского типа Южного Урала, могут свидетельствовать о распространении сходных способов лепки в переходный период от среднего к позднему бронзовому веку. Этот факт свидетельствует об интенсивности обменных связей в досейминское (доандроновское) время, в результате которых на север региона поступали не только металлические и каменные изделия, но и определенные технологии. Опосредованные меридиональные связи между населением Южного Урала и севера Западной Сибири, занимающим различные экологические ниши, свидетельствуют об их традиционной направленности на протяжении всей эпохи раннего металла.

Ключевые слова: север Западной Сибири, технология, лепка керамики, шаблон, негатив орнамента, досейминская металлообработка, слиток-заготовка, керамика польмятского типа, керамика варпаульского типа, нож срубно-андроновского типа, обменные связи.

Изучение древних технологий и реконструкция производственных процессов по материалам археологических памятников позволяют лучше понять знания и навыки, которыми владело то или иное общество прошлого. При проведении подобных работ удается свести к минимуму субъективную составляющую, неизменно присутствующую в работах археологов, поскольку полученные результаты можно перепроверить в ходе эксперимента. Не случайно экспериментальная археология рассматривается в качестве важнейшего направления исследований как в отечественной, так и зарубежной археологии [Экспериментальная..., 1991; Фаган, ДеКорс, 2007. С. 288–318, 403–405].

На всех этапах экспериментальных исследований широко применяется специальное оборудование, но важная информация может быть получена и без применения техники – при обращении к традиционным методам исследований. В предлагаемой работе

рассмотрены находки, полученные в ходе раскопок и разведок на территориях Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов Тюменской области. Основное внимание в статье уделено посуде, формованной на жесткой основе или шаблонах, т. е. по достаточно экзотичной технологии для севера Западной Сибири.

Эти материалы привлекли внимание еще в 1987 г., когда начались раскопки поселения Геологическое III, расположенного на р. Эсс в верхнем течении р. Конда (приток Иртыша в его нижнем течении). В дальнейшем по мере изучения памятников таежного Обь-Иртышья и накопления источников стало ясно, что керамика, изготовленная подобным способом, имеется не только в Кондинском бассейне. К настоящему времени на севере Западной Сибири учтено 8 поселений, на которых она обнаружена. Это Геологическое III и VII, Большая Умытъя 28, расположенные в бассейне р. Конда (раскопки автора в 1987, 1988 и 2004–2006 гг.), Белая

Гора I и Хостортур в бассейне р. Северная Сосьва (разведочные сборы автора в 1989 и 1991 гг.), Рыбный Сор I в Нижнем Прииртышье [Глушков, 1996. С. 191. Рис. 39, 1; Адамова, 2001. С. 51], Тух-Сигат IV в Васюганье [Глушков, 1996. С. 191. Рис. 39, 2, 5]. На южной кромке лесной зоны подобная посуда имеется на притобольском поселении Ташково II [Ковалева, 1997. С. 75]. Не исключено, что этот список будет дополнен и коллекцией поселения Пякупур 3, исследованного в районе Сибирских Увалов [Пошехонова, 2010. С. 130]. Однако для окончательного решения данного вопроса пякупурская коллекция должна быть тщательно проанализирована. Перечисленные памятники занимают обширную террито-

рию от бассейнов рек Конды и Северной Сосьвы на западе до Васюганья на востоке (рис. 1). Южная граница очерченного лесного ареала выглядит менее определенно. Пока она может маркироваться поселениями Рыбный Сор I и Ташково II. Таким образом, приходится иметь дело с древностями разных культур и типов, из чего следует, что перед нами явление транскультурного характера.

Данная группа керамики не образует больших серий и представлена в коллекциях единичными емкостями [Адамова, 1991. С. 69]. Практически все они изготовлены на опрокинутых вверх дном глиняных сосудах. Негативы рельефных орнаментов, покрывавших шаблоны, хорошо читаются на

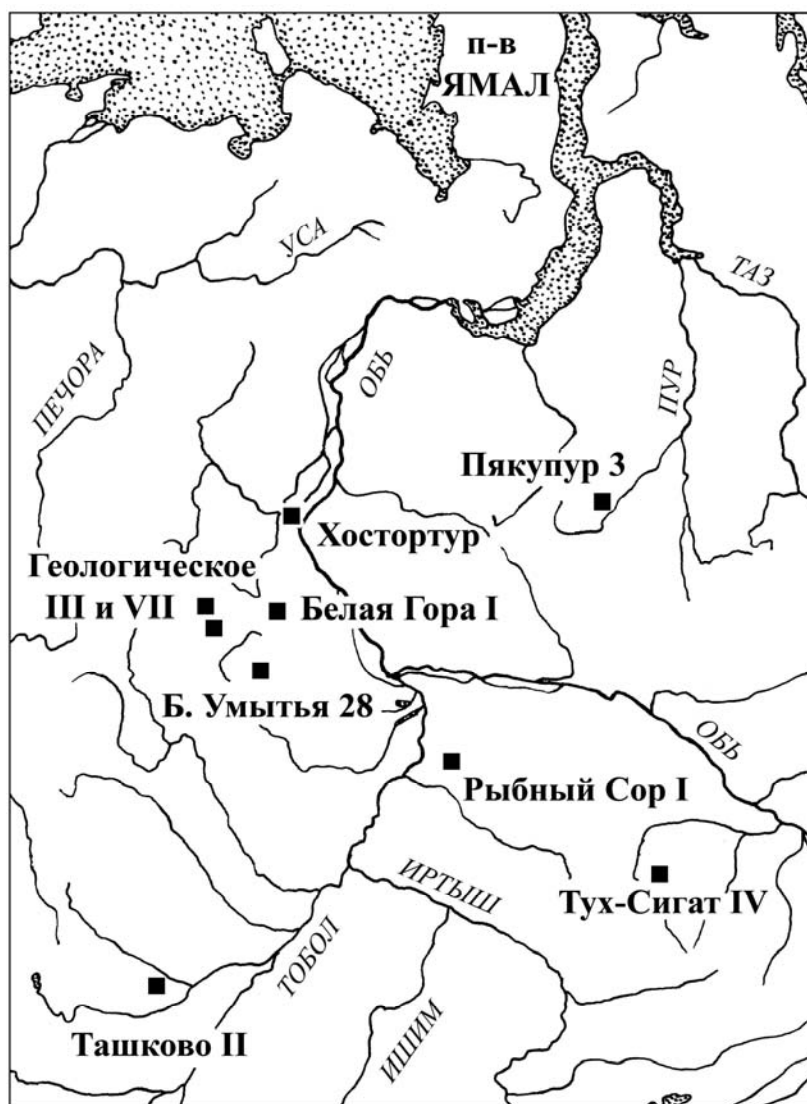

Рис. 1. Карта поселений бронзового века с керамикой, формованной на шаблонах (север Западной Сибири)

внутренних стенках формовавшихся емкостей. В одном случае на внутренней поверхности горшка отпечатались следы мережи (сети), использованной в качестве прокладки (Рыбный Сор I).

Основные особенности подобной лепки керамики детально рассмотрены и проиллюстрированы в монографическом исследовании И. Г. Глушкова [1996. С. 43. Рис. 39, 3–4; 109–111]. Он замечает, что мастер, работавший по данной схеме, был лишен возможности оказывать давление и обрабатывать внутреннюю поверхность сосуда. При этом все внимание древнего гончара было направлено на внешнюю поверхность. При снятии сосуда с основы он находился в подсушенном состоянии и уже не поддавался деформации, так как глина утрачивала первоначальную пластичность. По И. Г. Глушкову, при шаблонной технике толщина стенок посуды изменялась очень плавно в разных направлениях, поскольку она практически не фиксировалась пальцами. Такие изменения совершенно не связаны с толщиной накладываемых порций глины [1996. С. 43].

Согласно имеющимся данным, применение шаблона в керамическом производстве является одной из распространенных технологий не только в древности, но и в наши дни.

Этот способ лепки неоднократно прослежен археологами, изучающими материалы культур бронзового века Южного Урала. Примечательно, что южные племена применяли в качестве основы не только опрокинутые горшки, но и тканые мешочки с песком, травой и другими наполнителями. Основной индикатор, свидетельствующий о применении данной технологии, тот же – это фиксируемые на внутренней поверхности горшков негативы узоров от шаблона или отпечатки ткани, служившей прокладкой. Своеобразие керамики южных памятников проявляется также в том, что горшок-основа нередко посыпался песком или золой. Рыхлая прослойка облегчала снятие новой емкости, но одновременно скрадывала следы декора, покрывавшего стенки шаблона, или прокладываемой ткани.

Одним из первых исследователей, обративших внимание на формовку керамики с использованием шаблонов в виде горшков и банок, был челябинский археолог Н. Б. Виноградов. На его наблюдения опирается

Г. Б. Зданович, указывающий на применение сосудов-шаблонов при изготовлении керамики мастерами петровской культуры. Он полагает, что данная черта древнего производства была утрачена южноуральским населением в более позднее алакульское время [1983. С. 61, 65].

Последний вывод Г. Б. Здановича не убеждает Е. Е. Кузьмину. Она утверждает, что на твердых основах в виде перевернутых банок, покрытых тканью, формовалась не только керамика петровского типа, но и поздняя западно-алакульская посуда. Первую она датирует XVII–XVI вв. до н. э., а вторую – XV–XIII вв. до н. э. [1994. С. 108, 110]. Кроме того, Е. Е. Кузьмина дополняет свои наблюдения этнографическими материалами, собранными в Средней Азии. Оказывается, что близкая технология сохранилась до нашего времени в Дарвазе, в селении Гумбулак Файзабадского района на р. Вахш. Местные мастера изготавливают емкости на перевернутом вверх дном горшке или на специально сделанной высушенной болванке, подготовленной из глины с примесью кизяка. Сосуд или болванка покрывались мокрой тряпкой, а затем умелец облеплял основу глиной, формируя нижнюю часть горшка.

По наблюдениям челябинских археологов, на форме-основе изготовлено 96–97 % керамики поселения Аркаим [Гутков, 1995. С. 139; Малютина, Зданович, 2004. С. 69]. А. И. Гутков замечает, что сосуды, изготовленные на шаблонах, имели на внутренней поверхности следы ткани, в некоторых случаях – рельефный орнамент сосуда-основы («елочка», выполненная крупным гладким инструментом, каннелюры). Изредка внутренняя поверхность сосудов подвергалась значительному выдавливанию. Внутренний профиль придонной части сосудов имеет четкие очертания основы-формы [1995. С. 139].

Интерес могут представлять наблюдения еще одного челябинского археолога – С. А. Григорьева, сообщающего, что одной из «особенностей синташтинской, а впоследствии и петровской посуды, является формовка полого тела на жесткой форме – основе» [1999. С. 87]. Кроме того, он замечает, что на шаблонах лепилась керамика потаповского типа. При этом акцентируется внимание на привнесенный характер данной технологии из более восточных районов.

Исследователь не локализует территорию, указывая лишь, что данный способ лепки не известен в культурах досинташтинского времени Южного Урала.

Специалисты по бронзовому веку Южного Урала сходятся во мнении, что рассмотренная технология позволяла создавать достаточно совершенные формы посуды [Григорьев, 1999. С. 121] и обеспечивала стандартность морфологических параметров глиняных емкостей [Ткачев, Хаванский, 2006. С. 121]. Вместе с тем трудно согласиться с мнением С. А. Григорьева, связывающего подобный способ формовки с отсутствием профессионализма у древних мастеров [1999. С. 121]. Цифры, публикуемые Т. С. Малютиной, Г. Б. Здановичем и А. И. Гутковым, красноречиво свидетельствуют о высоком для бытового доремесленного уровне мастерства аркаимо-синташтинских умельцев, которые более 90 % посуды лепили с использованием жесткой основы.

Небольшой материал, собранный к настоящему времени на памятниках бронзового века севера Западной Сибири, позволяет говорить о знакомстве местного таежного населения с рассмотренной выше технологией, хотя, как говорилось выше, обращение к ней было скорее исключением, чем правилом. Несмотря на это, возникает вполне естественный вопрос: чем было вызвано приобщение ко столь необычной манере формовки посуды на удаленных от Южного Урала территориях?

Использование шаблона при лепке керамики в таежной зоне Сибири может показаться казусом или любопытным явлением, не более того, если не принять во внимание время существования памятников, на которых она была найдена. Судя по облику керамики, все упомянутые таежные поселения занимают совершенно определенную хронологическую позицию. Недостаточное количество абсолютных дат вынуждает остановиться на установлении относительного возраста памятников. Он определяется по облику керамической посуды и сопровождающих ее вещей, среди которых особый интерес представляют одно- и двухсторонние литейные формы.

Керамические комплексы поселений Геологическое III, VII и Большая Умытья 28 в верхнем течении р. Конда относятся к посуде полымьятского типа р. Конда в ее

позднем варианте (рис. 2, 3) [Кокшаров, 1993. С. 15; Зыков и др., 2006. С. 223]. В типологическом отношении ей близка керамика поселения Ендырское VIII. Обращение к материалам последнего обусловлено тем, что в раскопанной на нем мастерской в одном комплексе с посудой обнаружены односторонние литейные формы выраженного досейминского облика. Примечательно, что они почти идентичны матрицам с поселения Геологическое III. Предметы с обоих памятников выполнены из глины и служили для изготовления двух типов слитков-заготовок [Кокшаров, Погодин, 2005. С. 109]. Изготовление полуфабрикатов заданной формы характерно для территорий, вошедших в состав Циркумпонтийской металлургической провинции (ЦМП) среднего бронзового века [Там же. С. 110]. Специалисты, изучающие особенности древней металлообработки, объясняют появление стандартной продукции в виде слитков-заготовок популярностью в пределах ЦМП технологических схем, по которым отливки подвергались последующей формующей ковке [Рындина, Дегтярева, 2002. С. 109, 136].

Для получения объективного представления о возрасте поздних полымьятских памятников необходимо обратиться также к материалам поселений Волонча I и Пашкин Бор I, расположенных в нижнем течении р. Конда, где найдена более совершенная технологическая керамика в виде двусторонних матриц и сердечников для отливки кельтов, копий (?) и долот [Стефанова, Кокшаров, 1988. Рис. 7; Кокшаров, Стефанова, 1993. Рис. 1, 3, 3а, 3б]. Любопытно, что продукция литейщиков данного микрорайона, демонстрирующая технологии позднего бронзового века, не вписывается по морфологическому своеобразие в серии сейминско-турбинских и самусьско-кижировских вещей [Кокшаров, Стефанова, 1993. С. 66; Кокшаров, 2006. С. 49].

Одно- и двухсторонние литейные формы, входящие в составе поздних полымьятских комплексов Кондинского бассейна, могут свидетельствовать об их существовании в переходное время от среднего к позднему бронзовому веку. Этому выводу не противоречит некалиброванная абсолютная дата, полученная по костям северного оленя из хозяйственной ямы VIII поселения Геологическое III: 3510 ± 110 лет (шифр образца Ле-8039). С одной стороны, она незначи-

тельно моложе образцов с поселения Ташково II ($3\ 660 \pm 40$ и $3\ 600 \pm 45$ лет [Ковалева и др., 2000. С. 17]), а с другой – не выбивается из представительной серии некалиброванных дат аркаимо-синташтинских комплексов [Епимахов и др., 2005. Табл. 3].

Ранее уже высказывалось мнение о синхронизации полымьятских и ташковских поселений и допускалось частичное сосуществование поздних полымьятских комплексов с могильниками Сатыга XVI, Товкуртлор 3 и культовым комплексом Сайгатино VI. Они представляют собой

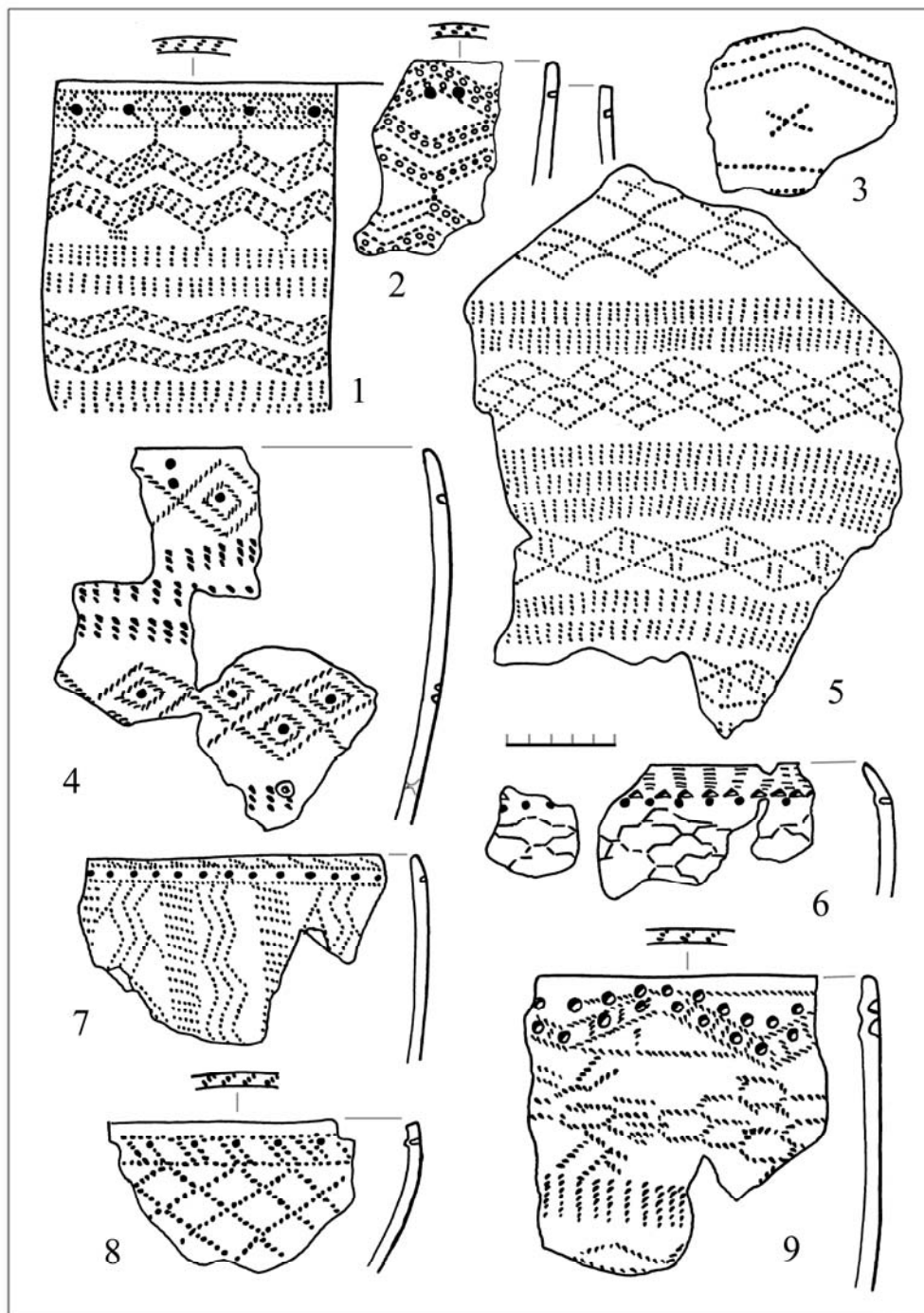

Рис. 2. Поздняя керамика полымьятского типа поселения Геологическое III:
1–4, 6–9 – сосуды, изготовленные без использования жесткой основы;
5 – сосуд, сформированный на горшке-шаблоне

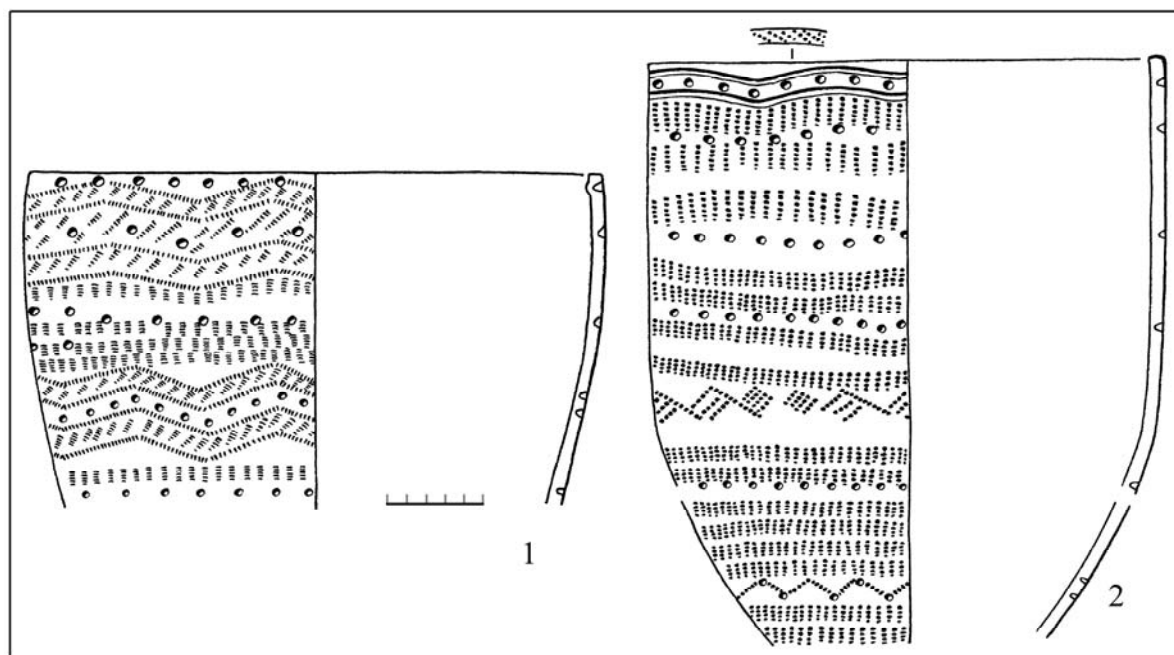

Рис. 3. Поздняя керамика полымьятского типа поселения Геологическое VII:
 1 – сосуд, изготовленный без использования жесткой основы;
 2 – сосуд, вылепленный на горшке-шаблоне

таежный западносибирский вариант древностей сейминско-турбинского времени, которые занимают, в целом, более высокую хронологическую позицию [Жокшаров, 2006. С. 48–49]. Принимая во внимание облик керамики варпаульского типа, связанной с Сатыгой XVI, Товкуртлором 3 и Сайгатино VI, а также сопутствующие ей находки, можно говорить об их синхронизации с черноозерско-томскими памятниками андроновской культурно-исторической общности [Там же. С. 53]. Этот вывод подкрепляют материалы могильника Сатыга XVI. Речь идет о ноже срубно-андроновского типа, найденном в погребении № 3, а также о перекрывании могилы № 11, на дне которой лежал полымьятский сосуд, захоронением № 9 с варпаульской керамикой [Там же. Рис. 3, 1, 8]. По непонятным причинам сатыгинский нож не привлек внимания О. Н. Корочковой, убежденной в отсутствии андроновских древностей в западносибирской тайге [2010. С. 101]. Она не может не знать о существовании этой вещи, поскольку совместно с В. И. Стефановым сдала в печать материалы таежного некрополя.

Приведенные доводы о позднем возрасте памятников с керамикой варпаульского типа противоречат абсолютной дате, полученной

для погребения № 39 могильника Сатыга XVI – 3655 ± 29 лет (ОхА-12529) [Епиманов и др., 2005. Табл. 3]. Однако специалисты полагают, что она «не может быть прокомментирована исчерпывающим образом в силу своей единичности» [Там же. С. 99]. Е. Н. Черных также отмечает недостаток радиоуглеродных дат для памятников сейминско-турбинского типа, которые бы смогли конкретизировать их хронологическую позицию [2008. С. 49]. В сложившейся ситуации было неразумно игнорировать типолого-хронологические схемы, разработанные как для всего Западно-Сибирского региона, так и его отдельных микрорайонов, хотя следует упомянуть, что на этот счет имеется прямо противоположное мнение [Черных, Кузьминых, 1989. С. 262].

Приведенные рассуждения дают основания для отнесения технологии формовки керамики на шаблонах на памятниках таежной зоны Западной Сибири не к самому началу бронзового века, когда на севере региона происходит сложение собственной металлообработки (это событие связано с появлением ранних полымьятских памятников), а к более позднему периоду. С другой стороны, отмеченное нововведение в керамическом производстве относится в целом к

досейминскому или доандроновскому времени и может быть синхронно аркаимосинташтинским и раннеалакульским (петровским) памятникам. В этой связи отметим, что археологи-андроноведы указывают на неправомочность включения древностей синташтинского типа в число андроновских [Стефанов, Корочкова, 2000. С. 92].

Сейчас трудно говорить о широком распространении формовки керамики на горшках-шаблонах у охотников-рыболовов Обь-Иртышья, поскольку не проводилась тщательная обработка всех имеющихся коллекций. Независимо от количества подобных образцов, использование сходных приемов в керамическом производстве на обширном урало-западносибирском пространстве представляется достаточно любопытным явлением. Оно отражает интенсивность контактов и векторы связей у местного населения в досейминское, доандроновское время. Имеющиеся материалы свидетельствуют о том, что культурные связи в рассматриваемом регионе не ограничивались прямым или опосредованным обменом конкретными вещами (каменными, металлическими и пр.), а включали (правильнее сказать, подразумевали) передачу и заимствование определенных технологий. Данный сюжет любопытен также при изучении отношений между группами населения, занимающими различные экологические ниши. Аналогичное направление меридиональных связей, наблюдаемых на рассматриваемой территории в энеолитический период [Кокшаров, 2009. С. 202–203], может свидетельствовать об их традиционности.

Список литературы

- Адамова Н. Ю. Керамические комплексы памятников бассейна р. Демьянки // Материалы по археологии Обь-Иртышья. Сургут, 2001. С. 50–57.
- Адамова Н. Ю. Моделирование некоторых сторон гончарной традиции (на материалах таежных памятников развитой бронзы) // Экспериментальная археология. Тобольск, 1991. Вып. 1. С. 67–72.
- Глушков И. Г. Керамика как археологический источник. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. 328 с.
- Григорьев С. А. Древние индоевропейцы. Опыт исторической реконструкции. Челябинск: ООО АНТ, 1999. 444 с.
- Гутков А. И. Техника и технология изготовления керамики поселения Аркаим // Аркаим: Исследования. Поиски. Открытия. Челябинск, 1995. С. 135–146.
- Епимахов А. В., Хэнкс Б., Рэнфрю К. Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья // РА. 2005. № 4. С. 92–102.
- Зданович Г. Б. Основные характеристики петровских комплексов Урало-Казахстанских степей (к вопросу о выделении петровской культуры) // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983. С. 48–68.
- Зыков А. П., Кокшаров С. Ф., Лабаури А. Н. Исследования могильника Большая Умытъя 28 // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск, 2006. Вып. 3. С. 211–229.
- Ковалева В. Т. Взаимодействие культур и этносов по материалам археологии: Поселение Ташково II. Екатеринбург, 1997. 132 с.
- Ковалева В. Т., Рыжкова О. В., Шаманов А. В. Ташковская культура: Поселение Андреевское озеро XIII. Екатеринбург, 2000. 160 с.
- Кокшаров С. Ф. Памятники периода энеолита севера Западной Сибири. Екатеринбург: Изд-во НИИП «Волот», 2009. 272 с.
- Кокшаров С. Ф. Север Западной Сибири в эпоху раннего металла // Археологическое наследие Югры. Пленарный доклад II Северного археологического конгресса. 24–30 сентября 2006 г., г. Ханты-Мансийск. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2006. С. 41–67.
- Кокшаров С. Ф. Энеолит и бронзовый век бассейна р. Конды: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1993. 22 с.
- Кокшаров С. Ф., Погодин А. А. Мастерская бронзового века на р. Ендырь // Археология, этнография и антропология Евразии. 2005. № 2 (22). С. 100–113.
- Кокшаров С. Ф., Стефанова Н. К. Поселение Волвонча I на р. Конде // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. Екатеринбург, 1993. С. 54–67.
- Корочкова О. Н. Первый металл в культуре таежных аборигенов Западной Сибири // III Северный археологический конгресс: Тез. докл. 8–13 ноября 2010 г., г. Ханты-Мансийск. Екатеринбург, 2010. С. 100–102.

Кузьмина Е. Е. Откуда пришли индоарии? М.: Наука; Вост. лит., 1994. 464 с.

Малютина Т. С., Зданович Г. Б. Керамика Аркаима: опыт типологии // РА. 2004. № 4. С. 67–82.

Пошехонова О. Е. Памятник досейминского периода бронзового века в бассейне р. Пякупур // III Северный археологический конгресс: Тез. докл. 8–13 ноября 2010 г., г. Ханты-Мансийск. Екатеринбург, 2010. С. 130–131.

Рындина Н. В., Дегтярева А. Д. Энеолит и бронзовый век: Учеб. пособие. М.: Изд-во МГУ, 2002. 226 с.

Стефанов В. И., Корочкова О. Н. Андроновские древности Тюменского Притоболя. Екатеринбург, 2000. 106 с.

Стефанова Н. К., Кокшаров С. Ф. Поселение бронзового века на р. Конде // СА. 1988. № 3. С. 161–174.

Ткачев В. В., Хаванский А. И. Керамика синташтинской культуры: Моногр. Орск; Самара, 2006. 180 с.

Фаган Б. М., ДеКорс К. Р. Археология. В начале. М.: Техносфера, 2007. 592 с.

Черных Е. Н. Формирование евразийского «степного пояса» скотоводческих культур: взгляд сквозь призму археометаллургии и радиоуглеродной хронологии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 3 (35). С. 36–53.

Черных Е. Н., Кузьминых С. В. Древняя металлургия Северной Евразии. М.: Наука, 1989. 320 с.

Экспериментальная археология: Известия лаборатории экспериментальной археологии Тобольского пединститута. Тобольск, 1991. Вып. 1. 181 с.

Материал поступил в редколлегия 28.11.2010

S. F. Koksharov

**USE OF MOULD IN CERAMIC PRODUCTION
(ON THE MATERIALS OF THE BRONZE AGE IN THE URALS AND NORTH SIBERIA)**

The object of research is a small group of ceramics found in the settlements of the Bronze Age on the north of Western Siberia. It is made on unusual for this area technology – modeling on a hard base or mould. The article describes special features of producing similar utensils traced in the course of experiments, and defines the monuments of culture marked with the analogous methods of molding. The form of tools and absolute dates obtained for the settlements with the ceramics of Polymjajyt type (in its later variant) of the Konda river, Tashkovo culture of the Tobol river and complexes of Sintashta type of the South Urals can witness about the spread of similar ways of modeling in the transition period from middle to late Bronze Age. This fact is an evidence of intensive exchange relations in pre-Seima (pre-Andronovo) time, as a result of which not only metal and stone articles, but certain technologies came to the north of the region. Indirect meridional relations between the population of the South Urals and the north of Western Siberia occupying different ecological niches characterize their traditional direction throughout the whole epoch of early metal.

Keywords: north of Western Siberia, technology, ceramics modeling, mould, ornament negative, pre-Seima metal work, a cake, ceramics of Polymjajyt type, ceramics of Varpaul type, a knife of Srubno-Andronovo type, exchange relations.